

kommersant.ru

Вторник 14 сентября 2010 №169 (№4469 с момента возобновления издания)

Если задаться вопросом о содержании культурной политики России, возникает чувство известной растерянности. Какая-то она неопределенная. При том что она, несомненно, есть. Государство тратит на культуру порядка 100 млрд федеральных рублей ежегодно — это должно быть осмысленно. Но понять как, затруднительно.

Производство культурных смыслов

Вернее сказать, нет ни малейшей проблемы понять, как тратятся эти деньги. 95% их тратится по прецеденту. Были музеи, и будут музеи, были цирки — и будут, были памятники — и будут, плюс международное сотрудничество. 5% — новые инициативы. То Владимир Путин дарит Валерию Гергиеву новый Мариинский театр, то Дмитрий Медведев дарит Ирине Антоновой новый Пушкинский музей. Но если то, как тратятся эти деньги, понятно, то зачем они тратятся, как-то не удается сформулировать. Это обидно. Если мы производим не совсем понятно что, то очень трудно судить о том, хорошо ли мы это производим.

С другой стороны, не может такая большая машина ехать без смысла. Все куда-то она поворачивает, что-то давит, и пусть законы этого движения неизвестны, люди живут так, как будто хорошо их знают.

Мне кажется, эвристически можно предположить, что если смысл движения машины никак не формулируется, то у государства нет никаких интересов в культуре. Это означает, что тут есть интересы кого-то другого, что чего-то хочет другой субъект, не государство. Для простоты, я полагаю, можно объявить всю культурную политику нашего государства результатом деятельности различных лоббистских групп. Есть кинематографисты, театральные деятели, классические музыканты, музейщики, библиотекари, и если их перестать финансировать, поднимется шум.

Стоит так поставить вопрос, и цели политики государства в области культуры станут ясны. Во-первых, нужно определить морфологию шума — его центр, ареал распространения, мощность, частоту и длительность, как с землетрясениями. Во-вторых, определить направления воздействий, позволяющих шум минимизировать.

Правильнее, понятно, воздействовать на тех членов лоббистских группировок, которые обладают наибольшим шумопоглощающим эффектом, что порождает специфический институт государственных звезд. Они могут быть в кино, в музыке, в театре — в принципе в любой сфере, производящей большой шум, но иногда в силу личных пристрастий государственных служащих могут возникнуть, скажем, звезды археологии. Поскольку авторитет культурной звезды прямо связан с тем, сколько народу ее знает, а это отчасти связано с возрастом, то это люди начиная от 60 лет, с понятными пристрастиями, вкусами, взглядами, что удобно, поскольку они обладают высокой степенью предска-

зуюмости. Кроме того, чиновники здесь вынуждены хотя бы отчасти полагаться на собственные вкусы, а в силу их большой занятости вопросами государственного управления эти вкусы у них не очень развитые, так что и это подталкивает их в сторону общеизвестных фигур.

Вместе это порождает особый консерватизм нашей культурной политики. Я хочу подчеркнуть, что это вовсе не консерватизм как культурный выбор — он произрастает не из культурных приоритетов, но как следствие механизмов диалога между лоббистскими группами и государством. Скажем, государству не приходится в голову поддерживать классическую живопись, хотя с позиций консерватизма это было бы осмысленно. Но классические живописцы как лоббисты очень маловлиятельны, шум от них ничтожен, так что нечего и заморачиваться. То же с классической архитектурой, но не то же с классической музыкой или оперным театром. Потому что если не унять маэстро Гергиева, это приведет к ненужным колебаниям в представительном социальном слое. Культурная ориентация определяется тем, что в каждой влиятельной лоббистской группе выбираются наиболее общеизвестные, а стало быть, устойчивые и проверенные фигуры и вкусы. Механизм отбора работает на консервацию ситуации.

Таким образом, у машины культуры несколько неожиданная конфигурация, поскольку ее двигатель расположен не в государстве, государство скорее выполняет функции тормоза. Однако при этом оно имеет понятный культурный смысл. И я бы даже не сказал, что он плох. Государственная культура в России всегда занималась тем, что производила ситуацию определенности, ощущение стабильного, связанного с традициями и обладающего большой степенью предсказуемости социума, выстроенного на культурных авторитетах. Здесь нет особого различия, оказываются ли в роли этих авторитетов церковные иерархи, идеологи славянофильства, коммунистические мыслители, актеры, режиссеры или поэты-руководители рок-групп. Важно, что они с нами всегда и они говорят и делают примерно одно и то же. Это в общем-то и есть то, что любое патерналистское государство ждет от своей культуры, авторитет отца всегда жидется на том, что в семье рассказывают примерно одни и те же сказки.

И вот только одно непонятно. Ну как так у них устроено, что государство ухитряется поддерживать современных художников, радикальных авангардистов, театральные эксперименты, новые социальные практики и т. д.? Во Франции, Швейцарии, Голландии, Германии — как? И я не в том смысле это спрашиваю, что как

у них совести хватает поддерживать такую гадость, это другой вопрос. Я про то, как получается, что они разбираются, кого поддерживать, а кого нет, кто хороший, кто нет. Вот представьте себе, вам нужно дать государственный грант кому-нибудь из двух художников — один себя распинает и к кресту прибавляет, другой на стенки кусочки скотча клеит. Ну как выбрать, с государственной точки зрения?

Я знаю, что государство у них ничего не решает, все решают эксперты, но почему они доверяют экспертам? Как понимают, каким доверять? Вот у нас, скажем, был сейчас суд над Самодуловым и Ерофеевым по поводу выставки «Забретное искусство», там в роли экспертов, с одной стороны, выступали специалисты с мировым именем вроде академика Вячеслава Иванова, профессора Михаила Алленова, профессора Валерия Турчина, а с другой стороны, Наталья Энеева, дама без научной репутации, сильно сдвинутая в правую сторону — кого послушал суд? Понятно, что гражданин Энееву. А у них почему не так? Мы руководствуемся сообщениями уменьшенных шума в среде православных граждан, это понятная логика, почему же они не руководствуются чем-то таким же?

Мне кажется, все же зря говорят, что у них нет идеологии. Идеологии, может, нет, но цель есть. В современном искусстве

вообще-то мало приятного и мало понятного. Но оно создает ситуацию неопределенности. Оно порождает картину мира, в которой ничего не готово, оно подталкивает тебя к тому, чтобы самому производить смыслы, выбирать путь и что-то решать. Оно сообщает тебе мысль, что мир принципиально не готов. Ничего не устаканилось, все непонятно, непредсказуемо и зависит прежде всего от твоей позиции, твоих личных действий и оценок. Это может быть очень неприятно, но это творческая ситуация. У них государство производит культурную неопределенность и на это производство направлены культурные институты. И как ни прискорбно это признавать, так, видимо, и устроена культура инновационных экономик.

А у нас государство производит, напротив того, культурную определенность. И это прекрасно, это часть великого замысла о стабильности. Проблема только в том, что делать, если вы решили создать зону инновационной экономики. Потому что если ее создать, а потом начинать опылать культурным продуктом, что Михаилков — пророк, Табаков — гениальный приколщик, Гергиев — вулкан, Макаревич — романтик и турман, то хотя все это верно и прекрасно, но у потенциальных инноваторов возникает ощущение, что все уже устоялось, мир готов и менять ничего не надо.

Григорий Ревзин

«Мы станем лучшими либо безнадежно отстанем»

Олег Чиркунов, губернатор Пермского края

Сегодня все ищут рецепт создания нового успешного постиндустриального общества. Ингредиенты вроде бы известны: университеты, инновации, новые технологии... Вопрос в том, в какой последовательности и пропорции все это должно быть. Понятно одно: в основе всего — человек. Человек интеллектуальный, креативный. Чем выше концентрация таких людей в одной точке, тем больше шансов на успех.

Нам нужны эти люди, а им нужна комфортная городская среда, лучшие вузы, признанные научные школы, культур-

ные события... Чтобы жизнь вокруг кипела. В Пермском крае мы уже решаем эти задачи. Мастер-план Перми разработан архитекторами с мировым именем. Календарь культурных событий уплотнился в разы. Два пермских университета получили статус национальных исследовательских. Что еще нужно сделать? Этому и будет посвящен VI Пермский экономический форум.

Получится ли из этого что-то, не знает никто. Но у нас нет выбора, мы должны двигаться. Либо мы станем лучшими, либо безнадежно отстанем.

Культура против модернизации

Как думаем, так и живем

В России не принято обращать внимание на содержательные составляющие экономического развития, связанные с мировоззрением занятых в хозяйственной деятельности людей — работающие здесь нормы морали (запреты), поведенческие образцы (паттерны, нравы), состав и иерархии ценностей, массовые стереотипы, те модели представлений и действий, которые стоят за национальным характером. В анализе реальной экономики они либо переводятся на периферию профессиональных интересов, либо вообще табуируются. И так как наука к этому не готова, культура у нас не рассматривается в своем широком понимании — как смыслообразующая и тем более регулирующая все виды общественной практики система.

Влияние доминирующих в сознании миллионов «картин мира», мотивационных и поведенческих предписаний, которые как раз и поставляют актуальную российскую культуру, возникающие здесь сбой и противоречия совсем не учитываются процедурами экономического мышления.

Если мы не научились считать последствия для экономики того, что Россия уже много лет является чемпионом по количеству брошенных и пострадавших в семье детей, суицидам, потреблению героина, разложению детской порнографии и интернету, мужской смертности, это вовсе не уменьшает значения этих универсальных свидетельств морального, социально-психологического, а следовательно, и экономического климата страны. Если мы никогда не принимаем в расчет, что в настоящее время 59% наших граждан не доверяют даже друг другу, не говоря о государственных институтах (кроме лидеров страны), 57% — хотели бы

госконтроля цен, 80% — не уважают частную собственность, 51% — терпимо относятся к коррупции, а почти шесть из каждых десяти россиян не хотели бы жить с иногородцами и иноверцами в одном доме, то это не значит, что перед инновационным — немислимим без креативной атмосферы — развитием российской экономики не стоят, пусть не просчитанные (а значит, невидимые), культурные барьеры. Не понимающие вызовы времени граждане не способны адекватно на них реагировать.

Большинство населения, к сожалению, живет как бы в параллельном мире неадекватных, часто превратных представлений о происходящем. Моделирует свои действия в соответствии с давню устаревшими взглядами. Негативные следствия этих умонастроений для развития России не рефлексируются, а значит, и не изучаются. А это значит, что можно вообще не обращать внимания на высокие смысловые барьеры, выстроенные за два десятилетия в сознании соотечественников всех возрастов. Не возникает даже мысль, что они во много раз опаснее для экономики, чем «плохие» долги или отсутствие инвестиций. Нет понимания — значит, отсутствует заказ на исследования, нет объективных данных и, в конечном счете, нет самой проблемной области.

Культура — это в первую очередь человек. Экономисты в полном соответствии с профессиональными стереотипами относятся к нему в основном как социально-демографическому субъекту (пол, возраст, место жительства, образование, профессия) или как объекту социальной опеки государства (пенсия, зарплата, возможности банковского кредита, медицинских услуг, обеспечения жильем, учет при голосовании). В фокусе внимания нет челове-

ка думающего, равнодушного или рискованного, руководствующегося в каждом своем движении ценностной программой. А, следовательно, и качества личности не рассматриваются как важнейший ресурс хозяйственной практики. Хотя при ее описании активно используется социально-психологическая терминология: «репутация», «страхи», «надежда», «риски», «вера», «ожидания».

Культура никогда не упоминается у нас ни в каком объяснительном контексте актуальных жизненных проблем — исключительно как изолированное место ритуального поклонения. Она не рассматривается ни как производство и распространение смыслов, ни как моделирование всех сфер жизни, ни как передача памяти или заветов. Нельзя даже представить себе, чтобы российские экономические гуру, эксперты, министры, включая самых либеральных, задумывались о том, что нынешнее качество российской культуры — «картины мира», выращенные в головах миллионов трудящихся, — напрямую связано с причинами, скажем, сверхнизкой у нас производительности труда или с величиной национального ВВП. Мотивации наших действий — их проектирование, переживание рисков, чувство неуверенности или активности, отсутствие или наличие инициативы, терпимость к коррупции или к пропаганде насилия — не связывается с наполнением ценностной и моральных систем. Кажется, что все это не имеет никакого отношения к экономике. А ведь приоритеты — кровеносная система общественной жизни, ресурс модернизации страны. В связи с человеком у нас даже спортивная ответственность есть (спорятся тысячи объектов), а культурной — совсем нет! (Окончание на стр. 20)

«В России нет правильного отношения к созданию городского пространства»

Архитектурное бюро KСАР Architects & Planners разрабатывает мастер-план Перми с 2008 года. В мае проект был показан публике и специалистам. О реализации идей, заложенных в мастер-плане, с профессором КЕЙ-СОМ ХРИСТИААНСЭ, основателем бюро, поговорила корреспондент „Ъ“ МАРИЯ СИДЕЛЬНИКОВА.

— Проект, подготовленный вашим бюро KСАР Architects & Planners, предусматривает серьезную реконструкцию Перми. Как вы хотите изменить город?

— При всем желании полную реконструкцию невозможно осуществить быстро. Нужна постепенная естественная перемена, которая приведет к возникновению лучших условий для жизни города.

В мастер-плане сохранены сегодняшние границы Перми. Проект реконструкции левого берега нацелен на улучшение и перестройку уже существующего города. На правом берегу мы планируем создать рекреационную зону для пермяков — парки и игровые площадки. Наш мастер-план — это не просто зафиксированный документ, это своего рода динамическая концепция развития, которая основана на критериях качества публичного пространства города. Когда мы приехали в Пермь, городские власти планировали построить новые мосты, чтобы создать на другом берегу крупные бизнес-центры. Мы сразу сказали, что это проблематично. Из истории таких городов на реке, как Гамбург, Роттердам, Лондон, Париж, следует, что город не разрастается автоматически и не стано-

вится более приспособленным для жизни, когда начинается застройка другого берега. Обычно рост происходит одновременно на двух сторонах или же из центра, как, например, в Париже. В остальных случаях для отдельного развития берега требуется несколько сотен лет. На наш взгляд, центр Перми развит не настолько, чтобы это стало основанием для создания новой части делового центра на другом берегу Камы.

— Что вы подразумеваете под моделью «компактного города»?

— Пермь — город слишком растянутый, его части разбросаны на большие расстояния. Это неэффективно с экономической точки зрения. Стоимость дорог и технической инфраструктуры возрастает в разы. В то же время плотность населения крайне низкая. Грубо говоря, в пе-

ресчете на количество жителей и рабочие места в городе столько пустот, что там могла бы уместиться еще одна Пермь. Существует прямое отношение между количеством жителей в районе и качеством их жизни. Например, чтобы создать хорошую автобусную или трамвайную линию, нужно достаточно пассажира, иначе она просто не будет окупаться. Нормальная плотность населения делает общественный транспорт экономически эффективным. Также в районах, где немного людей, нет возможностей для создания инфраструктуры — магазинов, ресторанов, школ. Размещая в этом направлении, более компактный город выгоден не только по экономическим показателям, но и с точки зрения условий для жизни.

(Окончание на стр. 19)

прямая речь

Сможет ли культурная политика повлиять на экономику?

Евгений Федоров, председатель комитета Госдумы по экономической политике, предпринимательству и туризму: — Культура тесно связана с экономической. Она определяет манеру поведения всех участников рынка: производителей, продавцов и покупателей. Это долгосрочный фон экономического процесса. В прагматичном ключе культура срабатывает не ранее чем через десять лет, но серьезно. В ближайшие 10–20 лет будет трансформация в сторону экологической экономики, все понимают такую необходимость. Но нам важнее запустить инновационные программы. Культурно мы очень инновационная нация, это изобретательство, творчество — наши копейки. Мы объективно являемся основой мирового инновационного развития, нашими идеями движется весь мировой

технологический процесс. Но выгоды от этого нам нет. В мире идеи трансформируются в рынок. Самые богатые страны те, где развито патентование и практическая реализация идей. У нас же связь науки с экономикой отсутствует прежде всего в головах: экономисты не понимают экономики. Они воспитывались в условиях социализма, а переобучить сложнее. Но садиться за парту надо.

Анатолий Артамонов, губернатор Калужской области:

— Культура напрямую влияет на экономику. Потребности человека меняются в зависимости от его мировоззрения, вырастает другое потребительское общество. Культурному человеку не надо объяснять, что на работе надо трудиться, а не ждать покаяния. Иностранные специалисты бывают шокированы, что надо уговаривать работников не прогуливать и быть трезвыми. Правильно, что Чиркунов берется за эту вековую проблему. В нашей области никогда на культуру денег не жалели, но задум не решить за несколько десятилетий. Утеряны культурные основы нации. Была прочная традиция не красть, не брать чужого, но ее сменила убежденность, что «все вокруг колхозное, все вокруг мое» и надо побольше утащить. Коллективизм и взаимная поддержка, привитые при социализме, теперь тоже раз-

мыты. Культуру нельзя коммерциализировать. Она воспринимает хорошие качества, необходимые в любом деле.

Виктор Семенов, депутат Госдумы, экс-министр сельского хозяйства:

— Я глубоко убежден, что если что и может изменить экономику кроме нее самой, это духовный базис, вера в Бога, в добро и справедливость. Если в обществе не будет духовности, то и самая лучшая экономика в конце концов развалится. Заниматься экономикой и не заниматься душой — это примитивный подход. Он может дать эффект на какое-то время, но в перспективе такая экономика обречена.

Валерий Халилов, начальник военно-оркестровой службы Минобороны, заслуженный деятель искусств России:

— Элементы культуры необходимы в любом деле. Даже болванки «тачать» — нужно. У действительно культурного человека сильно выражена совесть. Плохо трудиться он уже не сможет, а будет работать ответственно, с пониманием дела. (Продолжение на стр. 18)